

*Моему отцу.
Рано или поздно мы встретимся
в одном из бесконечных параллельных миров*

Глава 1

Алекс Лория готовился к решающему броску. Желто-синяя пропитанная потом майка, светлые волосы, мокрая челка и взгляд игрока, знающего, что все получится.

Он капитан команды, и в последнюю минуту заработал право на два штрафных броска. Первый удался. Кольцо... щит... кольцо... корзина. Не хватало только одного очка. Промазать нельзя!

Алекс вытер руки об шорты и внимательно посмотрел на судью, когда тот передавал мяч. Бросил беглый ледяной взгляд на виновника фола, мальчика из соседней школы, затем снова сосредоточился на мяче.

«Положим его в корзину и выиграем. Давай, Алекс!» — прошептал он, подбадривая себя, пока, опустив голову, бил мячом об пол. Товарищи по команде стояли молча, напряженные и уже готовые прыгать от радости. По традиции на удачу три отскока мяча — звук тугого стука разлетелся эхом по школьному спортзалу. Проходил дружеский матч — без родителей с плакатами на трибунах и детей с попкорном вокруг площадки. Но проигрывать не хотелось никому, особенно капитану. И вдруг — *то самое* ощущение пустоты. Ватные ноги. Дрожь по

спине. Туман в глазах. Товарищи и противники удивленно смотрели на Алекса, который, упав на колени, уперся руками в искусственное покрытие площадки и тяжело задышал.

Он *чувствовал*: это снова началось.

— Ты идешь за стол или нет? — прокричала Клара с кухни.

— Мам, секунду!

— Я уже двадцать минут слышу «Секунду!». Иди давай!

Дженни Грейвер шумно выдохнула, покачала головой и начала закрывать мышкой приложения на своем MacBookPro. Она взглянула на часы на стене: четверть девятого. Мамин тон не допускал ни малейшего промедления.

Дженни встала и посмотрелась в зеркало над письменным столом. Взлохмаченные каштановые волосы падали на широкие плечи профессиональной пловчихи. В свои шестнадцать лет Дженни могла похвастаться многочисленными медалями, развешанными по стенам коридора на первом этаже дома Грейверов. Ее победами особенно гордился отец, Роджер, экс-чемпион по плаванию, когда-то очень известный в Мельбурне.

Дженни вышла из комнаты и отправилась в ванную помыть руки. Аппетитный запах жаркого добрался по лестнице и сюда.

Вдруг — *та самая* дрожь, с некоторых пор хорошо ей знакомая.

В глазах потемнело, девушка сделала пару шагов вперед и, чтобы не упасть, ухватилась за край раковины. Она

почувствовала, как все тело, кроме рук, словно бы онемело, мышцы больше не воспринимали сигналы мозга.

Это снова началось.

«*Ты где?*» — голос прогремел в ее голове, как удар молота. Тишина. Потом раздался протяжный возглас изда- лека, зловещий и тревожный, как эхо со дна бездны.

«*Скажи, где ты живешь...*» — «*Мель...*» — Дженни попыталась ответить, но не смогла договорить слово.

«*Я тебя слышу... Я должен знать, где ты живешь*».

Каждый слог, произнесенный Алексом, словно укол иголкой в мозг. Пронизывающая боль.

Ответ пришел в сопровождении криков и ребяческого смеха. В голове вихрем кружились мысли вперемешку с непонятными эмоциями. Но название прорвалось через хаос и достигло цели: «*Мельбурн*».

«*Я тебя найду*» — последнее, что произнес мужской голос, прежде чем наступила чернота.

Глава 2

Клара Грейвер стянула хозяйственные перчатки и побежала на второй этаж сразу, как только услышала глухой удар, какой бывает при падении тела. Запыхавшись, она быстро поднялась по ступенькам лестницы, рискуя споткнуться, и, оказавшись перед дверью ванной, резко толкнула ее. Дочь лежала на полу без сознания, с пеной вокруг рта, из уголка губ стекала ниточка крови.

— Дженни! — Клара опустилась на колени рядом с дочерью.

Глаза девушки были распахнуты, взгляд застыл.

— Любовь моя, я здесь! Посмотри на меня!

Парой шлепков по щекам Кларе удалось привести дочь в чувство. С недавних пор она часто использовала этот простой, но действенный прием.

Роджер поднялся, перешагивая через ступеньки, и вбежал в ванную. Сначала он посмотрел на жену, потом на дочь, которая постепенно начала приходить в себя.

— Как она?

В ответ Клара лишь пожала плечами.

— Это опять случилось? — допытывался Роджер, хотя прекрасно знал ответ на свой вопрос.

Дженни медленно перевела взгляд на взволнованного отца и сказала:

- Все нормально.
- Голову не ушибла?
- Нет... кажется, нет.

Роджер наклонился и провел рукой по ее затылку. Его пальцы окрасились красным.

— Это кровь, Дженнифер. — В голосе Роджера звучало не беспокойство, а скорее спокойная констатация факта.

— О господи! — вскрикнула Клара.

— Не волнуйся, это неглубокая рана, — успокоил ее Роджер.

Дженни, морщась, терла лоб и виски.

— Сможешь встать на ноги? — Клара протянула дочери руку. Дженни приподнялась и, ощутив острую боль в правом виске, с трудом встала.

— Тебе надо лечь и спокойно полежать, а я принесу тебе травяной настой, — ласково сказала мама, вымученно улыбаясь.

Роджер покачал головой.

— Ради всего святого, Клара, когда же ты признаешь, что твои отвары не вылечат нашу дочь? Доктор Коулман сказал, что...

— Мне все равно, что сказал доктор Коулман!

— Если бы ты отнеслась серьезно к терапии...

— Мы это уже обсуждали, ответ — нет! — решительно перебила его Клара. — С Дженни все в порядке... все *будет* в порядке.

Тем временем девушка подошла к окну и посмотрела на улицу. Сквозь вышитые бабушкой занавески вид-

нелись крыши домов, стоящих вдоль Блайт-стрит. Она привыкла к словесным перепалкам родителей.

Обмороки начались четыре года назад, когда Дженни отметила двенадцатый день рождения. Она играла с подаренными игрушками, мама стирала с мебели пыль, когда она вдруг рухнула на пол. Почувствовав, что голова стала тяжелой, а зрение затуманивается, Дженни успела только сказать: «Мама». Последнее, что она видела, прежде чем потерять сознание, был мамин диплом в рамке на стене: «Клара Манчинелли, филолог, 110 итоговых баллов¹ и похвала». Рядом с подписью ректора — печать римского университета Ла Сапиенца. Документ датирован 8 марта 1996 года, ровно за неделю до того, как Клара познакомилась с Роджером, который приехал с другом в итальянскую столицу на каникулы. Мама решила изменить свою судьбу, уехав с ним в Австралию. Она часто в шутку говорила, что, если бы не забежала тогда в туалет в Caffè dell'Eur, они с Роджером не познакомились бы и Дженни не родилась бы.

Дженни долго водили по врачам, но ничего серьезного они не обнаружили. С сердечно-сосудистой системой все было в порядке, да и вообще девочка отличалась прекрасным здоровьем, о чем свидетельствовали ее великолепные спортивные достижения. Два года подряд она выигрывала золотые медали на региональном турнире и была отобрана для участия в юношеских Олимпийских играх к радости Роджера, который четыре раза в неделю во второй половине дня дополнительно тренировал ее в Melbourne Sports & Aquatic Centre.

¹ Максимальное количество баллов в итальянском университете.

С тех пор подобные приступы случались довольно часто. Иногда они были похожи на приступы эпилепсии, а порой казались обычными обмороками. По словам врачей, с которыми консультировалась Клара, для лечения эпилепсии не было никаких оснований. Увлечение женщины цветочной терапией Баха и гомеопатией шло вразрез с традиционным взглядом Роджера на медицину, но в результате она победила: никаких таблеток, никакой терапии.

В последующие годы Дженни научилась жить с «атаками», как она их называла. Они случались с ней в самых неподходящих ситуациях. Во время школьной экскурсии в Брисбен она упала без чувств в холле гостиницы, пока учительница разбивала детей на пары и раздавала ключи от комнат. В кинотеатре во время фильма, когда Дженни распласталась в кресле, свесив голову на плечо, а ее подружки этого даже не заметили. И еще в пиццерии, куда Роджер привел ее отпраздновать первую золотую медаль, и в «Бургер Кинге», где команда пловчих собиралась по пятницам вместе с тренером. Не говоря уже о других приступах, которые случались дома. К счастью, думала она часто, атаки никогда не случались в бассейне. А иначе она рисковала бы жизнью.

То, чего родители не знали и не должны узнать, так это того, что случалось во время приступов.

Глава 3

Школьный врач хлопнул Алекса по плечу и велел подниматься с кушетки, давая понять, что короткий осмотр окончен. Медкабинет, спрятавшийся в глубине коридора на последнем этаже рядом с библиотекой, представлял собой неприметную комнатку, вмещавшую письменный стол, кушетку и шкафчик с медикаментами. Стены здесь были окрашены в белый цвет, обстановка казалась холодной и неуютной, впрочем, как и саркастически-снисходительный тон врача.

— Капитан, не забывай, что мы в одном шаге от плей-офф.

— Я помню, — ответил Алекс.

— Стрессуешь из-за чемпионата? Или дело в тяжелых тренировках? — допытывался врач.

— Я не стрессую, — буркнул Алекс, хотя знал, что это не так. — Мне можно уже идти?

В коридоре его ждал тренер команды Тео. Он прислонился спиной к стене, листая автобиографию олимпийского чемпиона Майкла Джордана, которого считал образцовым спортсменом и часто цитировал.

Алекс не обратил на Тео внимания и пошел дальше по коридору, но тот последовал за ним.

— Алекс, подожди!

— Что? Со мной все в порядке.

— Нет, не в порядке. Если мы до такого дошли, то я не могу выпустить тебя играть в плей-офф.

Алекс посмотрел на Тео, на секунду задумавшись над словом «мы». Таков уж был их тренер, он всегда думал о команде. Проблемы одного игрока касались всех ребят.

— Делайте как знаете.

— Ты капитан, и ты нужен ребятам. Но если ты подводишь меня и всю команду в решающий момент... то у нас проблемы.

— Тогда выберите другого капитана. Я не знаю, что делать. Врачи говорят, что со мной все о'кей.

— А твои родители говорят совсем другое.

Алекс остановился и посмотрел тренеру в глаза, тот с решительным видом выдержал его взгляд.

— Мои родители очень мнительные.

— А я думаю, ты что-то от меня скрываешь. Черт возьми, Алекс, ты лучший, но мы не можем рисковать! Если то, что случилось сегодня, повторится во время финала...

— В таком случае отстраните меня, и тогда мы вообще не дойдем до финала.

Алекс сбежал по лестнице и наконец-то оказался на улице. Пока он, подняв воротник куртки, чтобы защититься от колкого миланского ветра, шел по виале Порпора, в его голове бродили разные неприятные мысли.

Погруженный в размышления, он в конце концов добрался до дома. Нет, конечно, он никогда по своей воле не пропустил бы последний этап финального сезона. Он